

18+

Анастасия Тришунова

*Там, где дышит
моё сердце*

A woman with long blonde hair, wearing a white, long-sleeved, ruffled dress, is sitting in a wicker chair. She is leaning her head against the back of the chair with her hands clasped, looking down thoughtfully. The background is dark and moody, with a patterned surface behind her.

Анастасия Гришунова

Там, где дышит моё сердце

«Издательские решения»

Гришунова А.

Там, где дышит моё сердце / А. Гришунова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-989995-8

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Юной девушке приходит сновидение, в котором она переживает все жизненные качели. Она проживает всё от рождения до момента полного осознания правил жизни и к содержанию истинного мира. Пробуждение ставит всё на место, и сделанные выводы отныне не позволят допустить ошибок.

ISBN 978-5-44-989995-8

© Гришунова А.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Часть первая	7
" Жизнь и сновидения – страницы одной и той же книги"	
Глава 1	7
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	15
Глава 6	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Там, где дышит моё сердце

Анастасия Гришунова

© Анастасия Гришунова, 2020

ISBN 978-5-4498-9995-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Всю свою осознанную жизнь, я фанатично стремилась прожить не зря. Оставить отпечаток на этой земле и что бы иногда звучало моё имя в оживлённом месте. Но в связи с застенчивым и забитым в себе характером, я лишней раз стараюсь не появляться в публичных местах. Муниципальные организации и вовсе для меня табу. Я не комфортно ощущаю себя в массовом скоплении людей. Не имею и малейшего понятия, с чем это может быть связано. Низкая самооценка? Возможно... Мне трудно сойтись с людьми и доверить им сокровенные тайники моей жизни. Именно от этого я не замечалась в шумных компаниях старых друзей и не пропадала в запоях и непредсказуемых путешествиях. Моя жизнь самая обычная страница книги. Ничем не примечательная и ничем не выдающаяся. Разве что людьми. Настоящими, преданными, живыми. Их критически мало, но этого более чем достаточно для счастья.

Под шумы моря, за чашкой кофе или в перерывах повседневной суеты... Лежа, сидя или стоя на балконе, наблюдая дождь или может перед сном... Как бы ты не читал мою книгу, важно знать! Важно знать, что эта книга не сошла с типографической ленты и не напечатана бездушными машинами за несколько часов. Эта книга, по крупинкам выбрана из сердца и является неотъемлемой частью моей жизни. Да что уж тут лукавить-это моя жизнь. Перелистывая страницы, ты не просто изучаешь текст, ты изучаешь каждое мгновение и каждый миг моего существования. Ты слушаешь стук моего сердца, ты осязаешь агрегатное состояние моей души. Незамысловатыми эпизодами украшена каждая минута, проводимая в руках с этой книгой. Ведь так или иначе ты становишься частью неё.

Произведение «Там, где дышит моё сердце» таилось в жилах моего мозга длительный период времени и бережно вынашивалась идея доступной визуализации чувств.

Главная цель этой повести, полностью погрузить читателя в происходящие эпизоды. Ведь если ты не поживаешь его и не погружаешься в сценарий, нарисованный перед глазами, смело можешь эту книгу подложить под шатающийся стол.

Главным сюжетом моей картины, является сновидение. В чём же ее уникальность? В неординарности. Вам никогда не придет во сне ваша жизнь. Вам снятся ваши страхи, желания, мечты или фантазии. А этот сон самая настоящая Явь.

Главная идея-поделиться частью жизни, ощутить мой взгляд на неё и дать понять, что ощущала я прожив.

Моя жизнь-не достояние, не чудо, она не наполнена героическими подвигами и не несёт в себя политические созывы. Осмелюсь сказать, что это признание. То, о чём я бы никогда не сказала.

Часть первая

" Жизнь и сновидения – страницы одной и той же книги"

Глава 1

Лениво качаясь на задних ножках стула, я задумчиво пялилась на протертый от старости комод. А он в свою очередь суровыми трещинами осуждающе оглядывал меня. Холодный цвет угрюмой старой мебели будто навязчиво заставлял меня заняться уроками, но упертая математика нагло подпирала дверь аудитории, не пропуская знания в мою голову.

Я мечтала. Я летала по просторам возвышенных мыслей и погружалась в пышные облака своей ветрености и романтизма. Глубокий и глухой звук нагло заткнул мне уши и помутил разум. Я дремала. Сон казался глубоким и сладостно проникновенным настолько, что ни один самый прожжённый ученый, не в силах сопротивляться такому плену физиологических особенностей тела, который поглощает мой мечтательный разум.

Солнечные лучи бабьего лета проникали сквозь тюлевый занавес и будто приживаясь оседали на мои юные щеки. Этот свет был столь жарким и проникновенным, что казалось он не покинет мою комнату еще довольно долго. Но короткое дневное солнцестояние предательски покидало землю и ночные сумерки грубо пали, касаясь острых верхушек тополей. Малышня ещё время от времени вскрикивала, соревнуясь с дворовыми псами.

Атмосферно. Моя улица стояла освещена душноватым ярко-желтым светом в а капельном исполнении окружающего оркестра. Солнце порой пыталось скрыться за плоскими листьями шелковицы, которые опылялись от проезжих машин. Несмотря на свою невинность, осень нарочно проникала в каждый уголок дома и наполняла стены особым запахом и не передаваемым удушающим вдохновением. Стихи лились сквозь самый зацементированный разум, фундаментируя все это плотным слоем из породы самого прочного сентиментализма. Кем бы ты не был, какие бы коктейли кровей не текли по твоим венам, ты невольно будешь пленен запахом зеленого грецкого ореха со шлейфом плачущей ивы.

Я спала. Глубоко и крепко. Как ребенок в утробе самого родного человека. Было так сладостно душно, челка и остаточные волоски моего небрежного хвоста на голове так нелепо покрывались юношеским потом. Сон был настолько крепок, сравнить его можно было только с 12-и летним армянский коньяком. Первый бокал пока ещё не пьянил, но давал понять, что за руль ты сядешь вряд ли. Жарко.

И вот я уж стала терять границу между дневной дремотой и полноценным сном. Суровый взгляд затертого комода, продолжал гипнотично давить на совесть, толкая на подвиг математических аксиом. Кто из них казался сильнее, я разобраться толком не смогла, но в неравном противостоянии науки и томной паутины, явно преимущество было в руках снулого плена.

Глава 2

Сон

Моей щеки коснулась мама. Я открыла глаза. Чувство счастья нахлынуло меня вверх макушки. Из всех сил, я незаметно для себя пытаюсь сдержать разочарованный плач. Но тонкая душевная структура моего неустойчивого характера с ухмылкой вызвала рёв. На меня смотрит мама. Говорит что-то невнятное, но весьма увлекательное, она гладит меня по щеке и повторяет шипящие успокаивающие звуки. Ее тонкие губы собрались в трубочку, но частично расплываются в улыбке. Всё же мне безумно было любопытно, что она говорила и я сдавила свой безудержный концерт. Она смотрит на меня и будто упиваясь моей милотой продолжает гладить мое лицо.

Глаза мамы серые со стальным оттенком. В них таится что-то безудержное, неуловимое, кажется, что они кричат, но в то же время нежно ласкают мой лик. Такие глаза не прощали ошибок. Они закалены стойкими и крепкими переживаниями, опираясь на истоки крупных жизненных ошибок. Ресницы стройно украшают, отлив пасмурного неба, а улыбка заставляет прикрыть усталые веки. Кажется, что она ворожит. Тёплые родные руки держат моё запястье и подносят к влажным, с легка розовым губам. Она упивается мной с каждой минутой все больше, умиление заполняет грудь и раскатывается мурашками по всему телу. Я смотрю на нее с глубоким недоумением и от этого снова и снова вырывается плач. Робкими движениями мама поднялась с постели и неумело взяла меня на руки. Я чувствую её дыхание, каждый удар сердца, родной и такой пьянящий запах волос, теплоту души и любимый нежный взгляд.

Время неумолимо трясёт ветвями мгновений, среди которых, время от времени, в моём обзоре появляются различные персонажи. Они приходят, лестно умиляются мной и бесследно исчезают. Их лиц я отныне не вспомню. Не знаю даже кем они являются мне или маме. Но отчетливо понимаю этот поток лицемерия и лживо натянутых улыбок. Они холодные, бесчувственные и предельно отталкивающие люди.

Таким образом, поспешно длились дни. Они сменились месяцами, а годы стоя у порога, обивали с обуви снег. Я становлюсь подвижнее и стремительно любопытной. Многие вещи приносят огромный восторг и колоссальную радость от открытия новшеств и запредельных для меня сооружений. Я поражаю и поражаюсь. Меня удивляют и удивляются мной. Всё вокруг вертится и откладывается на подкорке.

Бабушкина каша с плотными комками и старый холодный горшок, на который мне приходится справлять нужду. Аромат супа со слегка подгорелым луком, сухой запах комнат в которых провожу половину активного дня, а также холодная, но удобная кровать, застеленная старым прочным бельём серовато-белого цвета. Окна, стены, пол и мебель, пожилых и абсолютно безвкусных времен. Это жильё моей бабули, Галины Ивановны, или как мы ее все называем Бабушка Галя.

Она вырастила и воспитала трёх дочерей. Надежду, Веру и Любовь. Любовью зовут мою маму. Бабушкины руки привыкли к работе, упитанные ноги уверенно шли творить дела, для приемлемого существования. Она давно закрыла дверь в дорогу собственного счастья и живёт лишь, даря счастье другим.

Я не забуду ее седых волос, стриженных практично и короче, крепких пухлых рук и твёрдого характера. Но не смотря на этот аккомпанемент, она покладистая и добрая, веселая и снисходительная.

Трудно припомнить матерную брань или долговременные алкогольные застолья. Она так наивно и по-детски радуется мелочам и абсолютно искренне встречает, и провожает гостей. Она не может ничего предложить кроме интересных рассказов и вкуснейшего пирога с чаем. Бабушка не бранится даже с дедом, как это принято считать банальным и обыденным. Она

любит всех, кто её окружает, но проявляет эту самую любовь индивидуально и по-разному. Ведь мало кто заслуживает любезных пожеланий в путь. Бабушка крайне не тактильный человек, как большинство стереотипных бабуль. Она не таскает меня за щёки, не душит чрезмерно крепкими объятиями и не имеет привычки вытирать слюной моё запачканное лицо. За это, наверное, я, отчасти, ей благодарна.

Ненароком и вскользь, я парюю слов опрокинула про деда, который тоже живёт в этом доме. Это второй бабушкин муж. Петро Григорьевич. Про него тоже ничего плохого сказать не могу. Обычный лысеющий дедуля. Его руки покрыты родинками, морщинами и армейскими татуировками. Любитель приложить «за воротник» и глаголить древние небылицы под картишки со своими братьями по стакану. Разбрасывает домино и частенько приходит домой в приличном «под шофе». Время от времени дед рассказывает о некоем доме заморском в два этажа, в который мы обязательно поедем. В своих детских мечтах я красочно представляю этот дом и заочно «бронирую» уютную комнату в нём. Дед довольно редко совершает мужские порывы в сторону домашнего хозяйства и облагораживанию быта. Полка часто остаётся не прибитой, а розетка нагло продолжает искрить. В перерывах от своих этиловых походов, он предпочитает читать старинные журналы, лёжа в предбаннике, бурча себе под нос бородатые анекдоты с их страниц. Но бабушка Галя ровно относится к подобному. Скорее мудро и немного равнодушно. Она молча покидает амбразуру, уединившись с липким тестом на кухне. Они редко говорят между собой по душам и совершенно никогда не выражают ласку и внимание друг к другу.

Казалось, такая особая идиллия не покидала стены тухлявого дома. День за днём дом замирает в ожидании заботливых рук, продолжительных бесед и задорного смеха. В какой-то миг, в мою жизнь вошёл незримый экземпляр, которого я, признаться, изучаю до сих пор.

Не нужно быть ученым высшей степени или кандидатом запредельных наук, чтобы понять о ком пойдёт речь дальше. История потянется тонкой прочной нитью, охватывающей комки затейливых шарад и замысловатых описаний. Узелки прочных и отчетливых силуэтов и затуманенные бантики обычных доммыслов. Я никогда не забуду тот день, когда моя жизнь сменила ровный ход событий на неизменно иной путь.

Глава 3

Апрель сутулится над городскими каштанами, одаряя их назойливыми птицами, клевавшие молодые почки. Он пахнет асфальтом и мятным соцветием полевых одеял. Пока ещё не навязчивая жара пленит каждый уголок улицы. Клумбы горят тюльпанами. Озадаченные пчелы жадно опыляют их. Во дворе старый пёс звенит тяжёлой цепью. Его седлают мухи, а он прогоняет их игривым щелканьем зубов. Атмосфера непринуждённости велит задыхаться от восторженной симпатии к жизни. Дом медленно томится под солнцем.

В наших комнатах стоит сонная тишина, лишь бабушка шуршит затертыми страницами, давно перечитанных романов. Её голубая комбинация туго облегает плотное тело. Глаза скользят по строкам, а пальцы, предательски пересыхая, ждут очередь перевернуть листок. Скрип старинной железной кровати, заставил бабушку отвести взгляд от чтения и посмотреть на пустоту межкомнатных проёмов. Из одного вышел дед. Он медленно почапал на кухню и что-то бурча себе под нос, зажёл плиту и поставил чайник. Бабушка вернулась к чтению. Пробежав несколько заезженных страниц, она бережно загнула уголок листа и отложила книгу на быльце старой софы. Тяжёлой качающейся походкой побрела вслед за дедом на кухню.

Я нелепо и наивно протерла глазки и несколько минут смотрела в потолок. Он белый и большой. Кажется невесомым и далеким как небо. Я с любопытством разглядываю потрескавшуюся побелку. Мне виднеются различные фигурки и силуэты из них. Я вожу пальчиком по воздуху, воображая путь полоски на потолке. Мне кажется это бесконечным и безумно увлекательным.

Я огляделась по сторонам. Моя мама беззаботно спит рядом. Её дыхание ровное и спокойное. Тёплое и родное. Её сон прервал тот самый хриплый пёс, с громоздкой цепью, звенящей об асфальт. Он громко лаял, но трусливо отбегал обратно к конуре. В нашей комнате раздался лёгкий стук в окно. Мама резко открыла глаза и, посмотрев на меня встала с тёплой манящей постели. Она накинула лёгкий халат и стремительно направилась к двери. Там уже стояла бабушка и с улыбкой приветствовала новоиспечённого гостя. Мама застенчиво расплылась в улыбке и чуть было растаяла в объятиях этого, не известного мне, мужчины.

С немного натянутой обстановкой дом преобразился в праздничный наряд. Мама облачила меня в пёстрое платье и бережно приподняв на руки преподнесла к гостям. Мужчина с не меньшим любопытством оглядел меня. Наши взгляды сталкиваются в самых неловких моментах. Мы будто изучали друг друга. У него довольно холодный взгляд голубых глаз и слегка выющиеся русые волосы. Он стройный и подтянутый, модно одет и приятно пахнет терпко резковатым ароматом духов. Мама чрезмерно окрылена его присутствием. Она будто пленена его властным и острым лучом глаз. Веселье продолжалось. Я в центре внимания всех, кто находится в оживленной комнате. Все вкусно едят и весело шутят.

Вишнёвый цвет бережно качает апрельский ветер. Оконный свет блестит издалека. Собачий лай режет тишину сквозь сумеречные улицы, уставшие от проезжающих машин. Вновь проснувшиеся сверчки запускают свои инструментальные романсы. Лютуют мысли наперегонки друг другу. О чём бы ты не задумался, всё слагается в стихи. Такая уж особенность апрельских вечеров... Когда даже шёпот кажется криком, когда весна ворует струны пыльной души. В таком окружении, дышать полной грудью считается преступлением, и ты украдкой подавляешь зев, дабы не показаться самым равнодушным и бессовестно чёрствым маргиналом. Стыдно признаться, если такая атмосфера не вызывает тебя на дуэль с собственной ранимостью и тонкой душевной организацией...

В доме стоит тишина и нависший романтизм. Бабушка и Петро Григорьевич тактично покинули комнату, оставив маму наедине с объектом её воздыхания. Они болтают шёпотом, нелепо и безрезультатно скрывая влюблённые улыбки. Мама качает меня на руках, а я сопро-

тивляясь собственной усталости, сдаюсь и проваливаюсь в сон. Их голоса всё тише и всё менее разборчиво проникают в уши. Вздрагивая от резких снов, я всё же уснула. Мамины руки, безусловно, лучшая колыбель, а мамин голос – нежнейшая песня и самое крепкое снотворное.

Разбудил меня монотонный шуршащий звук сухого тростника. Он усердно тёр асфальт освобождая его от прошлогодних листьев и прочего мусора. Я вздрогнула и взбираясь на подоконник увидела его... Он остался... Мамин мужчина заботливо подметал двор и о чём-то задорно говорил с бабулей. Сложно верить, но он остался навсегда...

Отныне наша с мамой жизнь приобрела совершенно иной окрас. Мама часто веселеет, смеётся и в её глазах зажегся свет. Молодой мужчина часто посещает нас в гости и всё чаще остаётся на ночь. Я не могу отвести от него свой детский любопытный взгляд. Я изучаю его с ног до головы, мне интересно слушать его голос и смотреть на его отношение к моей маме. Искру видно самым невооружённым глазом и даже маленький ребёнок в лице меня, чётко это осознаёт.

Он не кажется ветреным и мимоидущим по жизни человеком. В его словах всегда видны серьёзные намерения и суровый чёткий посыл своих действий. О таких обычно говорят: «Хозяин слова». Владеющий миром. И никак иначе. Ведь так его и зовут. Он гордо соответствует своему имени и несмотря на юный возраст, он спокоен, твёрд и мудрен. Он серьёзный и суровый парень. Но когда моя мама нежно гладит его руку, вся картина Муромца расплывается под умилённым взглядом и томным вздохом. Они счастливы и бесконечно влюблены. Вся рутина вокруг их отношений кажется глупой нелепой. Мир существует исключительно для них. Стальные мамини глаза вмиг обрели яркий весенний блеск и приятную нежную теплоту.

Глава 4

Счастливо иль нет, трудно иль на лайте, мы прожили в таком трио четыре года. В огромном доме часто собирались компании и шумно проводили время. Мои родители веселились и задорно лился набор разно частотного смеха. Папа любит порядок и наводить его стремился лишь на пару с кассетной музыкой. Я весело прыгала на диване в такт мелодиям и по-детски теряла тяжёлые штаны, которые папа то и дело подтягивал мне до самого пупка, а в обед кормил тщательно и трепетно мелко рубленным мясом.

Во дворе, усыпанном опавшими листьями, я обожаю играть в прятки с большой собакой по кличке Дина. Она разыскивает меня в куче листьев, а найдя игриво облизывает моё лицо. Несколько раз мама тщательно отмывала меня от собачьих блох, которые я, то и дело, подхватываю в собачьей конуре.

Жизнь лилась и пела дифирамбы, по самому классическому жанру. Всё шло согласно писанному тексту. И здесь под стать захлопнуть грубые страницы и спокойно завершить рассказ. Но нет. Мне ровно четыре года, я наблюдаю уникальное, по своей природе, явление – зарождение человека и жизни в нём. Я всё с тем же любопытством глажу мамин округлившийся живот и толкаю в гору, возвращаясь с покупками из магазина. Сейчас, я начинаю понимать, как резко изменятся будни дни и как круто поменяются выходные. Маме очень идёт интересное положение.

Такая хрупкая и крайне женственная особа в объятиях того самого мужчины, который за руку держит дитя. Что может быть живописней и милей?! Вязаная блузка, модное каре и брызги волн из моря счастья в бездонных глазах. Человек никогда не заметит счастье именно в тот момент, когда он безумно в него погружён. Лишь лишившись улыбки, можно понять, как искренне ты тогда смеялся.

Мы часто гуляем втроём по летнему парку. Карусель, фонтан, мороженное, сладкая вата, будто кадры из фильма про любовь. Мама одевает меня в модный комбинезон и завязывает два милых девичьих хвоста. Я резво пробегаю сквозь толпу и неудержимо резвлюсь. Так искренне и по-детски.

В самом сердце летнего сезона в наш дом пришла приятная известь. Наша семья разбогатела на одно сокровище, которое гордо зовётся братом. Мой мир наполнился ещё одной улыбкой. Еще парой голубых очей. В мою душу проник пришелец и заполнил пустой уголок сердечка. Дополнил картину недостающим махом кисти и просто подарил мне ещё один смысл просыпаться по утрам. Мало что осознавая я игриво и столь по-детски легкомысленно отнеслась к такому подарку судьбы. Отчасти даже равнодушно и моя реакция незначительно огорчила маму. Я стала старшей сестрой.

Вопреки всем предрассудкам, предвкушая их, могу сказать, что в силу мудрости моих родителей, я не обернулась неким грузом и не стала вдруг обузой для них. Не смотря на появление братишки, я всё так же получаю должное внимание от них обоих и никогда им не обделена. Когда развернули этот комочек пухлых щёк, я задумчиво исчезла под гнётом личных размышлений. Этот хрупкий, нежный и маленький, но уже такой значимый для меня человек, неотъемлемая часть моей жизни. Мне кажется, что никто другой не заменит ему той заботы, которую дам я.

Обожаю приходить на помощь маме. Гладить маленькие ручки, щекотать пяточки и просто видеть, как растёт твоя опора. Как делает шаги твоя стена и верный спутник разделяющий любовь к родным и друг другу. Его глубокий взгляд способен топить суровые скалы, кипятить Байкал и просто дарить незаменимые мгновения обжигающего тепла. Он смотрит и будто всё прекрасно понимает. Мне безумно льстит, что такую весомую ответственность возложили на меня. Поручив на плечи самое ценное – жизнь. Час летел за вечность. Мгновения сменяли

дни. Наш дом уже постепенно стал привыкать к ночным подъёмам мамы к плачущему брату и утренним торопливым папиным уходам на работу.

Мой брат подрос и настало время Таинства крещения. Я без ума от долгих застолий. На мне снова в белоснежное платье, у мамы всё то же модное каре и брючный костюм болотного цвета. Отец брутально расстегнул пару верхних пуговиц на своей рубашке. Молоды, нарядны и безумно счастливы. На братика одели синенький костюм с рисунком медвежонка на груди. Сидит костюмчик бесподобно, с учётом того, что малыш и сам похож на милого зверька.

Окрестили брата Павлом, ведь имя безупречно вписывалось в предстоящие, накануне его рождения, именины. Его крёстной мамой стала мамина младшая сестра Вера. Статный внешний вид крепкой дамы, прекрасно вписывался в предстоящий натюрморт. Она предельно серьёзна и сосредоточена на данном мероприятии, ведь нести ей это звание отныне до последних дней. Она стояла прямо и сурово нахмутив брови, не подавала признаки волнения. Длинные густые волосы туго сплетены в косу едва касались поясницы. Вера человек довольно прямолинейный, собственно, как и большинство из их семьи. Она настырна и упряма. Скромность и покладистость увы не про неё. С юного возраста девушка стремилась к самостоятельной жизни и уже в шестнадцать лет, махнув крылом, вальяжно упорхала из гнезда. Но вопреки всему, жизнь намерено казалась снисходительной и подарила Вере не плохую жизнь, о которой, так или иначе, большинство подростков, могло лишь мечтать.

Новоиспечённая крёстная трепетно держала малыша на руках и сосредоточено позировала для предстоящей фотографии на память.

Её спутником в родстве Паши стал папин брат Виталик. Довольно веская причина быть важнейшим персонажем в жизни маленького комка. Серьёзно восприняв данное за честь, он так же уместился рядом с Верой для совместного фото. Из них бы вышла не плохая пара. Смотрелись они весьма... Но в отличии от папы, Виталик предельно не разборчив в женщинах и слыл для них потенциальным бывшим.

Одна из его крайних партнёрш – Оксана. Высокая барышня с кукольными глазами и пухлыми устами. Пышные красные волосы рыжеватого оттенка, модно и выгодно смотрелись на фоне ярко-красного пиджака и алой помады. Но её я почти не помню. Она, как и все оказалась не той для судьбы молодого парня.

Ростом Виталик чуть выше среднего и с максимально короткой стрижкой. Худощавый и очень даже обаятельный парень с харизматичной улыбкой. Мой папа и он воспитывались в строгой и довольно аристократичной семье, несмотря на то что их родители обычные работники.

Главным приоритетом их семьи манеры и приличное поведение. Валентина, так звали их мать, была сурово требовательна к порядку и чистоте, в доме, который они выстроили с ноля вместе с дедом Колей, всегда скрипела исключительная чистота и порядок. Многоэтажные перины с подушками под белоснежной кружевной тканью – строжайшее табу для меня. Я, как и все детишки обожаю погружаться в пахнущие постели и лёжа воображать ласкающее море. Или взиматься вверх до самого потолка, поднимая следом облако гусиного пуха из самодельных бабушкой подушек.

С особым любопытством я разглядывала сверкающие сервизы из хрустальных бокалов и прочей посуды. В тех трюмо царит особое царство. Отражение меня в них, заставляло воображать зазеркалье, мир, в котором я, главная принцесса.

Чопорная бабушка, несмотря на свою чрезмерно кропотливую и требовательную натуру, довольно веселый и жизнерадостный человек. Она знает миллион стихотворений, тома песен и ещё в два раза больше рассказов и загадок. Она порядком образована и благосклонна к себе.

С дедом Колей они вместе с самых юных лет. Их отношения писались по романам Пушкина либо Гюго. Бескрайнее уважение друг к другу часто проявляется в задорных шутках

и крепких объятиях. Дедуля... дедуля самых честных правил, самый порядочный гражданин. Он крепок, силен и в меру строг. На его фоне, Бабушка Валя кажется хрупкой, нежной, ранимой и беззащитной. Они безукоризненно дополняют друг друга. Таким и было суждено быть вместе. О таких говорят: «Рождены под одной звездой». Они дуэт, они команда. Всегда вместе и всегда за одно.

У дедушки Коли не бывает выходных. С самого раннего утра он бодро шагает кормить скотину. Их двор, буквально дышит братьями меньшими. Заключённая живность разнится от собак до нутрий, от свиней до тутовых шелкопряд. Куры, гуси и даже кролики. Но особую любовь он испытывает к голубям. Мне нравится, когда он берёт меня с собой на голубиный этаж.

Мы взбираемся на крышу по крепкой металлической лестнице, глядя на которую вверх, безглаголиво слепило солнце. Она была бесконечной. Оказавшись там, в мире непринуждённости и свободы, деда открывает не большие самодельные затворники, а вместе с ними и своё большое сердце.

Эти пернатые друзья оседают его с ног до головы, разлетаются в стороны, шлёпают крыльями, повисают в воздухе и лишь самые пожилые остаются на своей территории. Их разновидности бывали самыми непредсказуемыми и необычными. И с модными причёсками, и с модными штанами и белоснежными и угольно-черными.

Это не уличные птицы, заселившие площади и скверы, это люди, с индивидуальным характером и душой. Это не крысы, разносящие блох и гадившие на автомобили, это сотни сердец и сотни жизней. В мире можно бесконечно смотреть на три вещи: как горит огонь, как течёт вода и как дед Коля кормит голубей.

Я порой от непривычки со страха вздрагиваю от шума их крыльев, но понимая, что рядом дедушка мне становится тепло и спокойно. Он часто сажает меня на колени и долго-долго рассказывает об их привычках и повадках. Мы кормим голубей, бросая горсть пшена, они доверчиво садятся на ладони, я разгоняю их вбегая в стаю кушающих птичек.

Одним из главных достижений, я считаю возможность наблюдать за молодым потомством. Смотреть как вылупляются цыплята новых голубей, как самочка сидит на яйцах и как самец обустроивает их гнездо, а также брачный танец самоуверенного красавца. После того, как мы покормим голубей и насладимся их вальяжным строем и абсолютной грациозностью, мы обычно медленно спускаемся вниз.

Сравнить то состояние в мутнеющем сознанием от гула своеобразных птиц с миром людским под звуки петушиной песни никак нельзя. Твой взгляд становится иным. Твои слова давно теряют смысл. Ты где-то между раем и землёй. Это не сравнимо. Это чистейший наркотик. Нужно ещё определённое время, дабы прийти в себя после такого погружения в пространство свободолобивых созданий. Это не музыка, это не гипноз и это не жизнь. Это грань реальности...

Глава 5

Уже несколько недель золотая рожь трепетно ожидала ливней. Поля струились под всё ещё душным воздухом и лето не стремилось отступать. В самых захваленных городом мест, уже изнемогая от назойливой жары становились рыжими липы. Беспощадный сентябрь сокращался лишь на календаре. Гроза порой ютилась в уставшем небе, но дождей не предвиделось до октября.

Дни уже настырно становились меньше, вечера дарили непревзойдённые закаты в луговых степях. Ромашки плача покидали обочины дорог, а пчёлы сворачивали до сей не прекращающийся цех. Ощущение, что фильм стремиться к Happy End, но жизнь дышала и клубилась вопреки всему.

Облик улиц постепенно сменился на шуршащие ветровки прохожих. Детвора нехотя натягивали шапки, а на лужах проступала молодая изморозь. У нас сменилось место бытия. На смену огромному, по ощущениям, дому, пришла маленькая уютная избушка, среди таких же дорогих домин. На окраине «Черёмушек», наш новый дом угловой на перекрёстке. Довольно редко проезжая часть улицы освещалась стройным столбом на маленькой травянистой полянке.

Из трубы на крыше дома валит густой дым и нахально катится к размазанному облаками небу. Сверчки забросили гитары, и псы уж давно не брешут куда-то в тишину. Калитка нашего двора туго закрывается ударом. Двор гостеприимно приветствует голой вишней и старыми деревянными дверьми. Будто бы дремая, невзрачный домишко ставнями накрыл окна. Стоящий за домом абрикос, неспешно вторит повороты ветра.

Войдя в ту хату, ты невольно становишься узником Гоголевской повести Тарас Бульба. Обстановка обещает напоить хмельным уютом и липким сном под треск старинной печки. В доме пахнет углём и дровами. Комната сменяет другую. На кухне, мама кропотливо стряпает еду, братишка озадачено агукает в манеже, а отец спешит домой под нежное крыло обожаемой супруги.

В моей комнате огромная постель. Разложенный диван стоит на половину проходимого пространства. Остальную половину занимает стол – огромная дубовая парта, крашеная в чёрный цвет. Её мне смастерил дедуля. На большом шкафу, недостижимым сокровищем для меня, стоит и манит старинный плёночный проектор. Направив на одну из ровных стен, я открыв рот смотрела уже давно притёртые мультфильмы. Я их знаю наизусть, но вновь и вновь они как в первый раз впиваются в любопытные глаза. Фаворитом кинематографии является мультик про цветик-семи цветик. Сказка Катаева, казалось наверно расставит приоритеты в дальнейшей жизни для меня.

Довольно шустро вживаясь в малознакомые декорации, мы установили небольшую животворящую атмосферу добра.

Я без ума от наших вечеров. Мы долго смотрим огромный телевизор в обнимку с членами семьи. В проёмах между мамой и папой, уютно разместив себя, я часто крепко засыпаю под монотонный бубнёж вечерних новостей. Но что за магия? Что за волшебство? Я опять в своей постели. Отчётливо осознавая то, что спать ложилась с мамой и папой, я в недоумении провела прохладное утро на своём диване. Спозаранку моя мама торопясь носила угольные вёдра. Кажется, не спав и половину ночи, она старательно топила печь.

За завтраком моя мама обнаружила у Паши первый зуб. Он стучал об металлическую ложку. Она невероятно счастлива и воодушевлена.

Первый зуб, первые шаги и первое слово... Всё шло своим чередом. Мы росли и на пару умиляли своих предков. Стены нашего дома согревали и создавали ощущение уюта.

В то время за окном уж припорошено белоснежным пледом. Плодородный чернозём отдавал остатки теплоты прохладному слою пухового одеяла. Стремительно на землю упала зима.

Зимой особые вечера приобрели контраст и вывели очаг на новый уровень. Живя в отсутствии банальных бытовых нужд, мы вынуждены довольствоваться нажитыми благами. Наверняка, мало кому известна скорость природных нужд на улице в скрипучей обуви от крепкой морозной наледи на, очищенных от снега, тротуарах во дворе.

А в банный день, один в неделю, около печи мы мылись в ванне, которую отец принёс из коридора с блестящим инеем на бетонных стенах. Второпях и покупаться и играючи по поливать себя водой, я послушно поддаюсь маминым нежным рукам. Она старается поспешно намылить меня, дабы не дать остыть последним градусам воды. А после, мокрая как мышь и без памяти счастливая, я побреду по полу боссяком в тяжёлом тёплом полотенце. Сидя молча на постели, я буду терпеливо ждать тщательно от утюженной пижамы.

И вот, я наблюдаю желтоватый тусклый свет от лампочки, которой я стараюсь подмигивать в такт. Папа возмущённо спорил с телевизором, но тот бестактно настаивал на своём. Мама о чём-то ласково болтает с братом, завлекая его в увлекательный заплыв по ванне. А он в свою очередь лепечет непонятные слова в ответ. Мама будто понимает его и вежливо соглашается с его непонятным мнением, сплетенным в детский диалект.

Вот так вот жизнь играла с нами в игры. В квест под названием семья. А жить-то хочется на уровне с другими. И спать подольше и чаще кушать колбасу... Не бывает дня, чтобы родители, скуля от изнеможения опускали руки и подавались в алкогольное отчаяние. Сильны духом, крепки и настойчивы они гордо шли к заветной цели, преодолевая жизненные шлепки. А я в то время счастливо игралась с братом, пока взрослые занимались бытовыми делами.

Глава 6

Звучала мелодичная капля и грубые застои снежных тротуаров, покорно поддавались ласковому солнцу. Птичьим визгом разукрашены проулки. Сквозь усталые, от холода деревья, не уверенно сочится будущий раскалённый шар. Обстановка чего-то хрупкого и новорождённого. Околицы ещё вовсе не прогреты и ледящий сквозняк борется с растущей теплотой. Всё таяло под дебют молодого марта. Дороги погрязли в ледяной каше, под которой, всё ещё протягивался крепкий лёд. Из труб домов так же клубится дым. Природа ликовала от такого солнечного дня. Пусть холод оставался главным гостем, на улицу спускается весна.

Пушистые и пухлые коты, вальяжно проходятся, по отмеченным участкам, отирая шерстяной гривой каждый угол своего владения. Заигрывая мурча, мокрыми лапами почёсывали шею и облизывали длинный хвост. Всё классическим образом возвращалось на круги своя. Всё словно рождалось вновь. Открывались глаза дремлющих посадок и будто на заказ всё дышало нежностью и непринуждённостью.

Вечерами, всё чётче становились созвездия, а на утро мило улыбались новые ростки подснежника. Мурашками усыпана аура уюта. Хочется дышать быстрее и чаще. Дыхание сбивается. Ты будто часть мира, ты душа всего вокруг, ты сердце несокрушимого мира. Лёгкие заполняются невинным ароматом ушедших морозов. Так ласково оседает на макушку жадное солнце.

Я безвозвратно набирала жизнь годами, принося в неё всё больше персонажей и отчаянных героев. Так в мой путь вошли друзья. Я обзавелась ими и отнюдь, не слыть скучающим дитём в хатынке с маленьким братишкой, который из навыков, овладел лишь питанием и сном. Ну, откровенно говоря, он непременно веселит меня непредсказуемыми выходками по типу опорожнения вне памперса или вождением воображаемой машины с монетой вместо руля.

Мою подругу зовут Кристина. Она на два-три года младше меня, но разницы как таковой практически и нет, мы быстро нашли с ней общий язык. Общий интерес в игрушках, зачастую охватывал нас, и мы сами того не замечая, пропадали в комнате до позднего вечера. Уж доколе нас бабушки и мамы, сурово не отзывали по домам.

Нередким и предусмотрительно генеральным приоритетом в наших игровых баталиях, представляются игра в семью и школу. Придумывая животрепещущие ситуации, разгадывать мы их стремимся в декорациях фактически воображённой совершеннолетней жизни. Вот и все представляется сильно реалистичным, зарываясь в ям человеческих проблем.

Всё так по-детски бесхитростно и по-детски обыденно и легко. Мы умираем и оживаем, мы расстаёмся и сходимся вторично. Она мой муж, а я её жена. Нам кажется, что этот сериал кругом, исключительно, наш и снимают его высочайшие интеллекты кино.

Паша порой так же принимал участие в наших сценах, будучи нашим дитём. Задачки предельно просты. Он рефлекторно делает все имеющиеся обстоятельства, всё в том же ритме, а мы кругом него обыгрываем тяги и текущую жестокую действительность бытия. Он виртуозно водит гоночный болид, синомизируя рулевое колесо крышкой кастрюли, либо другим предметом круглой формы. Поразительное мышление без пяти минут двухлетнего мальчишки.

С тех пор, когда долги возвращены и оплачен счёт за коммунальные услуги, деток трое родилось и быт исчерпан завершением фантазий, семья мало-помалу переигрывается в школьный класс. Отныне, я – неукоснительный педагог, дающий уйму материала и истязающий домашним поручением в сроки производимых работ. Меня чрезвычайно раздражает глупость моих воспитанников, и я бесчувственно шлёпаю им двойки в дневники.

Кристина разгневанна, объективно несправедливыми поступками и откликается на воинственный жар взыскательного преподавателя. Мы сплетаемся в недопонимании и ругани, переходя величины разумного, заплетая матерей и пап, и дядь, и тётъ, соревнуясь, борющимися

и кем кто будет поколочен. Мне обидно до глубины души, однако родичи это святое и бить их разумеется нельзя. Мы обзываемся и играм нашим вторично прибывает конец. Я ненавижу её и понятия, о которых она мне толкует. Правда в устах каждого глаголящего. Однако преподаватели и есть падлюки и двойки не ставят наугад. А что если ты, Кристина, нехорошо строчишь и точку ставишь, не впопад? Я бабушке твоей уведомление отошлю и подписью своей учительской всё закреплю. Пускай она постановляет как тебя тут наказать. Аль лозинкой отхлестать, аль в угол на горох поставить.

И тут я маленькой рукой вожу по мятому листочку, уведомление о недобросовестной ученице. Красноватой пастой, непосредственно сама, сооружая ошибки, я снова, сначала и опять переписываю разъяренное письмо. Я вся пламенею через злость, мне не хватает злонамеренных слов. Стремясь манер свой наладить, фиаско следующее я терплю и забрасываю бесчеловечный листок и ручку красноватую вдогон. Так и быть, помиловала я тебя, айда повторно в семью, у нас в неё получше получается играть.

Покуда вечерело за окном, в нашем доме помаленьку стал докатываться аромат готового ужина. Живот вероломно выдавал опустошённость и моя новая подруга, тактично изволила уйти. Все вечера однообразно повторяются и разницы действительно не визуализируется.

Всё тот же банный день, один в неделю, близ горячей печки, я так же второпях запросто поливаю себя водой, послушно поддаюсь маминым ласковым рукам. Она всё именно этак же опрометчиво трет меня ароматическим мылом, чтобы не дать простынуть заключительным градусам воды. А после, волглая будто мышь, усталая и вялая золоторотцем в бедственно горячем полотенце сажу беспрекословно, упорно поджидаю уже помятую пижаму. И тут, всё тот же желтоватый свет, отец не менее недоволен противоречит телевизору, но тот бестактно подсюсюкивает непредсказуемые новости.

Мама, с такой же ярко проявленной вежливостью болтает с братом, привлекая его в увлекательный заплыв. А он лепечет малопонятный недоразвитый рассказ. А на глазах улыбки. Мы счастливы без грамма сомнения. Пускай всё кажется обычным, местами печальным и простым, но это самое неподдельное ощущение неповторимого счастья. Пускай и скрупулезно замаскированного и местами бесконечно уставшего, но счастья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.